

Александр Тимофеевич Боннер родился 4 июня 1937 г. в Иркутске.

В 1959 г. с отличием окончил юридический факультет Иркутского государственного университета, в 1966 г. — очную аспирантуру Всесоюзного юридического заочного института (ныне Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). Под руководством проф. М.А. Гурвича защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений», а в 1980 г. — докторскую диссертацию на тему «Применение нормативных актов в гражданском процессе».

Профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

Автор более 250 работ в области гражданского и арбитражного процесса, общей теории права и административного права. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени, а также Золотой медалью им. Ф.Н. Плевако.

Совесть суду нужна, и очень нужна

Александр Тимофеевич БОННЕР,

профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

— Александр Тимофеевич, 2016 г. ознаменовался довольно серьезной процессуальной реформой. В особенности эти изменения затронули арбитражный процесс, ведь было реформировано не только упрощенное производство. Впервые в АПК РФ появился судебный приказ, введено общее правило об обязательном досудебном урегулировании споров. Как бы Вы оценили эту попытку разгрузки судов с помощью процессуальных средств?

— Я считаю, что любое купирование полноценного судопроизводства нужно рассматривать как крайний шаг, на который государство идет только после того, когда все другие средства исчерпаны. В данном случае, я уверен, они далеко не исчерпаны.

Например, не понимаю, почему наше правосудие, особенно в части предпринимательских споров, до сих пор стоит столь дешево. На мой взгляд, назрел вопрос о пересмотре размера госпошлины в гражданском судопроизводстве. Все-таки оно, в отличие от уголовного, предполагает оказание государственной услуги, соответственно, государство вправе рассчитывать на то, что хотя бы часть его расходов на содержание судебной системы будет компенсирована, а кроме того, удастся предотвратить возникновение пустых, бессмысленных споров. Но на самом деле институт госпошлины ни одной из этих двух задач не выполняет, как раз в силу ничтожности судебных расходов. С моей точки зрения, существенное увеличение государственной пошлины при одновременном сохранении таких институтов, как освобождение, снижение, рассрочка уплаты пошлины, особенно в судах общей юрисдикции, могло бы принести свои плоды. Однако, поскольку число экономических споров постоянно возрастает и, очевидно, будет возрастать, законодатель решил обратиться к институтам приказного и упрощенного производства.

Кстати, приказное производство не является для арбитражного процесса совсем новым: в качестве его аналога выступало нотариальное действие — исполнительная надпись нотариуса, отдаваемый нотариусом приказ о взыскании определенных денежных средств. Можно было бы в какой-то мере его оживить, тем более что нотариальное сообщество готово взять на себя рассмотрение таких бесспорных конфликтов, которые, в принципе, лежат на поверхности и не нуждаются в судебной процедуре.

Сегодня нотариальные структуры в силу ряда причин, в том числе в связи с изменением законодательства, совершают исполнительные надписи не так уж часто, а на-

грузка на суды чрезвычайно высока. В 2016 г. с применением норм ГПК и КАС суды общей юрисдикции рассмотрели без малого 17 млн дел, а арбитражные суды — свыше 1 млн. И в этих условиях приказное и упрощенное производства в качестве неких временных и экстренных мер и в виде своеобразной «кислородной подушки», вероятно, нужны.

Впрочем, у упрощенного производства есть и свои недостатки. Сейчас, например, в юридической литературе обсуждается масса вопросов, связанных с оценкой сложности дела. Как ее проводить? У нас пока есть только один критерий — цена иска. Но бывает так, что цена иска не очень большая и не дотягивает даже до 500 тыс. руб., зато само дело такое заковыристое, что разрешить его в рамках упрощенного производства будет довольно сложно. Нынешние приказное и упрощенное производства, по сути, во многом лишены судебных гарантий, а рассмотрение соответствующих дел в судах трудно квалифицировать в качестве судопроизводства. Многие из таких категорий дел можно было бы передать нотариусам, оставив за судом контроль за законностью совершения исполнительных надписей.

— Если посмотреть, что происходит за рубежом, мы увидим, что поиск упрощенной формы судопроизводства идет во многих странах. Яркий пример — близкая нам Франция. Можно ли сказать, что это мировая тенденция?

— В какой-то степени тенденция действительно мировая, потому что число споров, безусловно, растет не только в России. Но дело в том, что у нас за последние 25 лет это число возросло многократно. Почему? Потому, что в советские времена гражданских дел почти не было, поскольку у большинства граждан имущества было очень мало. Какие тогда были споры? О расторжении брака, взыскании алиментов, жилищные, трудовые — вот, пожалуй, и всё, и судьи имели значительно больше возможностей без лишней спешки устанавливать обстоятельства дела и разрешать его по закону и совести. С началом 1990-х гг. у граждан появилось имущество, включая недвижимость, возникли новые формы собственности, а с ними — и споры, драмы, разного рода злоупотребления. Вспомним хотя бы тех же черных риелторов. Это я сейчас говорю о судах общей юрисдикции, а в арбитражных судах — свои проблемы. Во времена, когда существовала только государственная собственность, для рассмотрения возникающих хозяйственных споров вполне хватало ресурсов государственного и ведомственного арбитража. Споры, конечно, были, но их было значительно меньше. Сейчас же появилась масса всевозможных частных и публично-частных юридических лиц и т.д., и суды стали буквально захлебываться от обрушившегося на них потока дел, причем поток этот не иссякает.

Нагрузка на суды сегодня чрезвычайная, что бы мы ни говорили, и пока она не будет нормализована, будут совершаться судебные ошибки. Вот мы учим студентов: есть ГПК, АПК, судопроизводство должно происходить таким-то образом. А судьи при всем желании не могут в полной мере соблюдать эти нормы, потому что иначе они никак не уложатся в сроки. А за нарушение сроков их будут ругать.

— Вы считаете это неправильным?

— Сама система, при которой судье главное — не нарушить сроки, неверна. Поэтому во многих зарубежных кодификациях института предельных сроков рассмотрения дел

просто-напросто нет, и иностранцы часто не понимают своих российских коллег, которые спрашивают их о сроках. Главная цель процесса — верно установить обстоятельства дела и правильно применить закон. А если ограничение по срокам противоречит этой цели, то оно и не нужно.

— Но везде есть какой-то критерий разумности, который и к нам пришел из практики ЕСПЧ. С этим напрямую связана эффективность правосудия, которое должно быть своевременным. В противном случае государство обязано выплатить компенсацию. Это общепринятый стандарт.

— Да, но при этом над судом все-таки не довлеют сроки, ведь разумный срок — понятие оценочное. У нас, кстати, этот институт теперь работает не так хорошо, как раньше, поскольку закрепление компенсации за нарушение разумного срока в законодательстве сказалось и на размерах таких компенсаций. По сравнению с ЕСПЧ наши суды взыскивают копейки.

— Может, стоит либерализовать предельные сроки рассмотрения дел?

— Это тоже определенный выход. Реальная нагрузка на суды несовместима с существующими сроками, поэтому их надо или отменять, или либерализовать. И уж точно не стоит наказывать судью, который не просто нарушил срок, а нарушил его по уважительной причине. Наказывать нужно за волокиту, а не за попытку тщательно разобраться в обстоятельствах дела. И еще надо учитывать, каким образом дело было разрешено по существу.

Конечно, нужно разными путями пытаться разгрузить суды, в том числе расширять штат судей (чего почти не делается по финансовым и прочим причинам), кардинально, с моей точки зрения, менять институт судебных расходов в сторону их увеличения, отдать часть дел в ведение нотариата. Они с удовольствием возьмут часть дел, рассматриваемых в порядке приказного производства, а то и не просто часть, а значительную часть, например алиментные дела. Зачем идти в суд, если брак был зарегистрирован и есть свидетельство о рождении? Взыскать алименты, размер которых по общему правилу точно определен законом, может и нотариус.

— Когда Вы сказали о расширении штата, мне пришло на ум альтернативное предложение — принципиально изменить статус помощника судьи.

— Это хорошее предложение, я бы его поддержал. У нас помощник судьи — это *terra incognita*: непонятно, для чего он нужен и чем он должен заниматься. Надо это определить в законе. Например, можно записать, что он помогает в процессе подготовки дела к слушанию.

— Стоит ли при этом закреплять за ним полномочия по подготовке проектов судебных постановлений?

— Фактически сегодня так и происходит, только вне рамок закона.

Может быть, даже стоит включать в текст судебного постановления уточнение о том, что проект был подготовлен помощником таким-то или при участии помощника

такого-то. Иначе говоря, нужно поднять уровень его ответственности, потому что если он вообще останется за кулисами, то это будет хуже.

— А есть ли смысл отдавать на откуп помощнику решение каких-то самостоятельных процессуальных вопросов?

— Да, и более того: думаю, что помощнику даже можно доверить разрешение каких-то несложных дел, по крайней мере если стороны не будут возражать против этого. Но здесь опять-таки возникает вопрос о статусе помощника и о его квалификации. Плюс тогда нужно решать вопрос о повышении оплаты его труда, потому что те копейки, которые помощники получают сейчас, будут несопоставимы с уровнем ответственности при подобном изменении их статуса.

— А что бы Вы сказали о предложении уменьшить нагрузку на судей посредством снижения степени усмотрения суда в процессе? То есть о том, чтобы законодатель оставлял судье как можно меньше возможностей для дискреции?

— Я с этим категорически не согласен. Сейчас за рубежом вообще появилась тенденция отдавать разрешение споров, особенно несложных, на откуп компьютеру. Но, по-моему, это неправильно, особенно применительно к судам общей юрисдикции, где есть всевозможные нюансы. Например, в последние годы на просторах нашей необъятной Родины разворачиваются тысячи, миллионы человеческих трагедий. С чем они связаны? Структуры, которые занимаются транспортировкой газа, вдруг обнаружили, что, оказывается, трубопроводы во многих случаях проложены в опасной зоне рядом с садовыми товариществами, с разными строениями. И вот они в массовом порядке стали обращаться в суды с требованиями о сносе строений, находящихся в опасной зоне, хотя, наверное, можно найти технически другое решение, например перенести газопровод. И сегодня в 21 регионе на рассмотрении судов находится большое количество такого рода споров. Как они разрешаются? Очень просто: формально стороны равноправны, есть принцип состязательности, но почему-то дела всегда разрешаются в пользу сильной стороны. Должен ли суд здесь учитывать как-то эти нюансы? Без возможности применить усмотрение судьи справедливо разрешить такие споры будет крайне сложно.

— Может быть, для таких случаев в законодательстве стоит предусмотреть разные стандарты доказывания для сильной и слабой стороны, переложение бремени доказывания и другие приемы? Это могло бы быть актуально и для арбитражного процесса, где мы тоже часто можем наблюдать асимметрию возможностей сторон.

— С моей точки зрения, устанавливать стандарты доказывания не нужно. Предмет доказывания определяется прежде всего материальным законодательством, в котором обозначена совокупность юридических фактов, подлежащих доказыванию. Из этого, соответственно, вытекает, кто и что должен доказывать. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении, посвященном подготовке дела к слушанию¹, конкретизировал, по каким категориям дел какие доказательства нужны. В практическом плане это, на-

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

верное, имеет определенное значение, но для меня лично понятие стандарта доказывания, в общем, не совсем ясное.

Что касается слабой стороны, то в процессуальном законодательстве такого понятия не существует, как нет и обязанности суда помогать слабой стороне. Возможно, и стоило бы его разработать. Но, на мой взгляд, сейчас гораздо важнее последовательно воплощать в жизнь принцип состязательности, который предполагает и четко обозначенное, к примеру в немецком процессе, право быть заслушанным и быть услышанным.

— Что это значит на практике?

— Сегодня мы нередко можем наблюдать, особенно в судах общей юрисдикции в вышестоящих инстанциях, что доводы сторон, изложенные в жалобах, не находят своего отражения в судебном акте.

О надзоре я не говорю, это отдельная история. Он практически ликвидирован (и это совершенно неверно) под напором европейских структур, утверждавших, что это недемократично и что в европейских странах надзора нет. Лет 15–20 назад в наших судах общей юрисдикции институт надзора прекрасно работал, и судебная статистика показывала, что, когда был и кассационный, и надзорный порядок пересмотра, в надзорном порядке исправлялось ошибок чуть меньше, чем в кассационном. Кроме того, можно было без каких-то проблем попасть на прием к заместителю председателя или к председателю областного суда, судье Верховного Суда и даже (хотя и не без труда) к заместителю Председателя Верховного Суда. И с большой долей вероятности можно было прогнозировать, что в случае толково составленной жалобы решение отменится в порядке надзора. А сейчас что происходит? Апелляционная инстанция, которая в ряде случаев должна рассматривать дело по нормам производства первой инстанции, загружена делами настолько, что судьям просто некогда вникать в существо каждого дела. А это означает огромный риск оставления в силе незаконных и необоснованных судебных постановлений.

— Но ведь функции, которые раньше выполняла надзорная инстанция, сегодня фактически перешли ко второй кассации. И в бывшем надзоре, и в нынешней второй кассации проверяется законность судебных решений. Чем же они существенно различаются?

— Может быть, раньше и сейчас нагрузка разная, а может, судьи теперь другие. Но раньше в порядке надзора с большей вероятностью можно было добиться отмены незаконного судебного постановления. А сейчас адвокаты, которые пишут кассационные жалобы, зачастую прекрасно понимают, что они, скорее всего, получают отписку, потому что процент отмены решения в нынешнем кассационном порядке совершенно ничтожен, особенно в Верховном Суде.

— Этот вывод Вы делаете исходя из своих практических наблюдений?

— Не только. Данные судебной статистики говорят нам о том, сколько кассационных жалоб по гражданским делам поступает, скажем, в Верховный Суд и сколько их удовлетворяется. Второй показатель составляет менее одного процента.

— Это меньше, чем процент жалоб, которые раньше удовлетворялись при надзоре?

— Значительно меньше. Точные цифры сейчас не назову, но, допустим, раньше в кассационном порядке отменялось порядка 5–6% постановлений и в порядке надзора где-то 5%. При этом большую роль в отмене незаконных судебных постановлений, вступивших в силу, играла прокуратура. Сейчас роль прокуратуры в гражданском процессе ничтожна, а в арбитражном и того меньше.

— Еще один инструмент, который законодатель применил для того, чтобы снизить нагрузку, — это обязательное досудебное урегулирование споров. Сейчас это общее правило, которое воспринимается юристами неоднозначно. Очень многие возмущаются тем, что в нашей реальности этот институт будет повсеместно использоваться для затягивания сроков и волокиты, в целях злоупотребления. На Ваш взгляд, современное процессуальное законодательство позволяет эффективно бороться с подобными злоупотреблениями?

— К сожалению, не позволяет. Дело в том, что у нас специфический менталитет. Например, во многих юрисдикциях большая доля поступающих на разрешение судов дел отсеивается с помощью различных инструментов судебного или внесудебного урегулирования, а с вынесением судебного решения разрешается меньшинство дел. То есть за рубежом эти инструменты действительно работают.

— Медиация?

— В том числе. Есть самые разнообразные инструменты примирения. У нас же все они работают крайне слабо и на самом деле нередко используются для затягивания сроков. Даже самая, казалось бы, бесспорная претензия зачастую отклоняется по каким-то бюрократическим соображениям — обращайтесь в суд.

— Здесь встает вопрос о том, как обеспечить добросовестное поведение сторон в процессе. Не так давно после реформы гражданского законодательства у нас появился институт эстоппеля как запрет противоречивого поведения сторон. Наверное, было бы неплохо воспринять этот институт и в процессуальном праве. Как Вы считаете, есть ли смысл закреплять его в процессуальном законе или кодексы уже позволяют реагировать на злоупотребление и недобросовестное поведение, все дело только в судебном толковании?

— В ГПК РФ есть норма (ст. 99), предусматривающая возможность взыскания с недобросовестной стороны компенсации за фактическую потерю времени. Вот только ее никто никогда не применяет, потому что, во-первых, сложно доказать, что потеря рабочего времени действительно была, а во-вторых, непонятно, как нужно исчислить эту потерю в рублях. В общем, норма есть, а практики ее применения нет.

В действующем АПК подобной нормы вообще нет. В то же время в условиях рыночной экономики попытаться использовать подобные экономико-правовые рычаги в борьбе против разного рода злоупотреблений и недобросовестного поведения участников процесса вполне возможно. Для этого, с моей точки зрения, даже не нужно ждать изменения и дополнения процессуального законодательства. Здесь вполне возможно

применение положений ч. 5 ст. 3 и ст. 41 АПК РФ в системе с общими положениями главы 59 ГК РФ, регулирующими обязательства из причинения вреда.

— Может быть, судьям просто нужны четкие ориентиры? Здесь же может быть не только затягивание процесса, но и множество других процессуальных злоупотреблений.

— Ориентиры, в принципе, есть, причем не только в действующих кодексах, они были и в старом ГПК РСФСР. Ну и что? Они не применяются. Целая докторская диссертация² уже написана по борьбе с процессуальными злоупотреблениями, но воз и ныне там.

— Есть ли смысл ужесточать требования в отношении представителей сторон, особенно если речь идет об арбитражном процессе? Должна ли сторона отвечать за непрофессионализм своего представителя?

— Единственная возможность наказать представителя — это вынести неблагоприятное для представляемой стороны решение. Всё. А там пусть они уже сами разбираются.

— Сейчас у арбитражных судов появился такой инструмент, как частное определение. Поможет ли он бороться со злоупотреблениями сторон в процессе?

— У меня есть сомнения в том, что этот институт будет активно применяться в арбитражных судах. В советские времена судей обязывали выносить частное определение, а сейчас их никто ни к чему не обязывает и в судах общей юрисдикции это редчайший случай.

— Что Вы думаете о создании единого ГПК?

— Идея создания единого судебного права обсуждается уже очень давно, но я к ней отношусь с большим скепсисом. Те, кто сейчас с большим трудом пытаются ее реализовать, не понимают или делают вид, что не понимают, что речь идет о разных видах споров. В судах общей юрисдикции разрешаются споры между гражданами, там значительно меньше документов, но больше устных доказательств. А в арбитражных судах, наоборот, все строится главным образом на принципе письменности, на разного рода документах. В судах общей юрисдикции широко применяются показания свидетелей, в арбитражных судах они номинально тоже есть, но на практике применяются очень редко.

— Есть такое мнение, что основополагающие принципы процесса все же едины, и на их базе можно было бы выстроить единый кодекс, выделив какие-то особенности для предпринимательских споров. Вы считаете, что это невозможно?

— Ваше утверждение не совсем верно. Возьмем принцип устности. В арбитражном процессе он используется не слишком широко, а для гражданского процесса как

² Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009.

раз характерны устность, гласность. Другое дело, что сейчас тот же конституционный принцип гласности серьезно страдает, особенно в судах крупных городов. Почему? Все сводится к чисто техническим возможностям. Тесные залы судебного заседания не всегда могут вместить даже участников процесса. В таких условиях говорить о том, чтобы процесс был открытым, не приходится. То есть принцип гласности и воспитательное воздействие судебного процесса, в общем-то, сводятся к нулю. Мне могут возразить, что сейчас есть Интернет, где публикуются судебные решения. Да, публикуются, но, во-первых, далеко не все, а во-вторых, в каком виде? Зачастую под видом соблюдения Закона о защите информации³ бездумно и бессистемно удаляется важная для понимания сути судебного решения информация. Это создает массу проблем для технических сотрудников судов, готовящих судебные акты к размещению в Интернете, а также для лиц, пытающихся что-либо понять из такого решения. Полагаю, что подобная методика публикации судебных актов находится в грубом противоречии с положениями ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, ст. 10 ГПК РФ и ст. 11 АПК РФ, провозглашающих гласность судебного разбирательства во всех его частях.

— Это больше характерно для судов общей юрисдикции, к арбитражным судам серьезных нареканий в этом плане вроде бы нет.

— Там действительно более правильный подход и более внятные решения, хотя тоже есть недостатки. В основном мои слова относятся к размещению в Интернете решений судов общей юрисдикции, в которых просто невозможно ничего понять. Но зачем тогда публиковать решения? Если ты пошел в суд, то ты знаешь, что все твои семейные и имущественные тайны могут быть обнародованы, за исключением ситуации, предусмотренной в законе, когда с учетом ходатайства сторон дело рассматривается в закрытом судебном заседании. Но по общему правилу рассмотрение все-таки открытое. Между тем получается, что решения, наоборот, по общему правилу зашифровываются.

— Возвращаясь к идее о едином кодексе: Вы считаете, что разница в процессуальной форме такова, что объединить гражданский и арбитражный процесс невозможно?

— Невозможно, да и не нужно. Мне непонятно, зачем их объединять и какие практические задачи можно решить таким объединением. Даже если единый ГПК и будет создан (вполне возможно, будет), в нем все равно будут разделы, процессуальные особенности рассмотрения дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, и это только добавит сложностей правоприменителю. У нас перед глазами свежий пример — КАС. На мой взгляд, это Кодекс, который создает массу проблем для судей и для граждан. При этом в арбитражных судах до сих пор прекрасно действуют нормы АПК по рассмотрению публичных правовых споров, и Кодекс в этом смысле не разрушен. А ГПК, наоборот, разрушили, когда убрали производство по публичным делам, и в результате ни граждане, ни судьи зачастую не могут понять, в каком же порядке это дело рассматривать.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

К тому же есть довольно много дел, где все взаимосвязано: изначально оспариваются действия государственных органов, должностных лиц, а потом вдобавок к этому возникает гражданский спор. Скажем, в относительно типичной категории дел выясняется, что какая-то автомашина, принадлежащая гражданке Ивановой, была ввезена в Российскую Федерацию прежним собственником с нарушением таможенного законодательства, и начинается выяснение того, как поступать: то ли отдельно обжаловать действия органов управления и отдельно разрешать спор о праве гражданском, то ли делать все это в одном процессе и т.д.

— У Вас в этом году юбилей. Яркие представители процессуальной науки со всех уголков России по праву называют Вас классиком отечественной науки гражданского процесса. Какой труд из более чем 250 работ для Вас наиболее ценен и какие направления развития процессуальной науки сегодня Вы считаете наиболее перспективными в России?

— Вообще-то, опубликованных работ у меня даже несколько больше, нежели названная цифра. Дело в том, что часть моих, скажем так, проходных работ в силу разных причин была опубликована под псевдонимами. Как Вам, например, такой: Ирина Павловна Маврина? Эта дама в течение многих лет была председателем президиума Краснодарской краевой коллегии адвокатов, а я проработал в Краснодаре шесть лет.

Если же говорить без шуток, то самыми серьезными своими работами считаю «Проблемы установления истины в гражданском процессе»⁴, а также «Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе»⁵. По информации моих аспирантов, в одном из крупнейших московских книжных магазинов она находится в числе лидеров продаж. Эти и многие другие работы в настоящее время вошли в мои «Избранные труды»⁶, выход которых приурочен к 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина, в котором я проработал (страшно сказать!) свыше 50 лет.

— С какими наиболее значимыми вызовами столкнется цивилистический процесс в ближайшем будущем?

— Сейчас огромным вызовом — и, быть может, не только для цивилистического, но для всего процессуального права — является пресловутая перегруженность судов. Как я уже говорил, в советское время нагрузка позволяла судье разрешить любой возникший спор по закону и по совести. Кстати, в «Новой адвокатской газете» в свое время была очень интересная публикация под названием «Нужна ли суду совесть?»⁷.

Так вот я считаю, что совесть суду нужна, и очень нужна. Ни в коем случае нельзя допускать ситуации, в которых по разным причинам — будь то цели соблюдения формальной законности, процессуальной экономии и т.п. — становится возможным вынесение несправедливых решений.

⁴ СПб., 2009; СПС «КонсультантПлюс».

⁵ М., 2012.

⁶ Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. М., 2017.

⁷ Гаспарян Н. Нужна ли суду совесть? // Новая адвокатская газета. 2010. № 20.

Я хотел бы обратиться ко всем нашим судьям. Сегодня на вас возложена огромная ответственность, в эпоху перемен она велика как никогда. Центральной фигурой в суде, конечно же, является судья, поэтому именно от вас зависит состоятельность нашей системы правосудия — основы правовой системы страны. Независимость, умение отстаивать свое мнение, стремление к справедливому результату рассмотрения дела — именно эти качества отличают настоящего судью.

Понятно, что в сложных условиях современного общества существует множество факторов, способных оказать влияние на судебное решение, но так было всегда. В связи с этим я нередко вспоминаю своего однокашника, к сожалению, ныне покойного, на протяжении долгих лет работавшего судьей Иркутского областного суда, а затем Краснодарского краевого суда, — Юрия Федоровича Тыщенко. Он разрешал по первой инстанции сложнейшие уголовные дела. Я как-то раз спросил его: «Юра, бывают случаи, когда на тебя начальство давит?» — «Нет, никогда». — «Как никогда? Бывают же дела, сам знаешь, непростые». — «Бывают, но ко мне никогда никто не обращался, потому что знают, что это бесполезно». Вот это был судья!